

Я из Холокоста

Я из Холокоста
Воспоминания Я очень долго думала, надо ли это все помнить и, тем более, описывать. Но потом решила, что надо. Я решила, что необходимо, чтобы люди, которые это прочитают, узнали, каким страшным было то время, какие муки ада я прошла. Чтобы прочитали мои дети, внуки, правнуки и знали, какое зло принес фашизм. Посвящается моим детям внукам и правнукам, а также всем жертвам Холокоста. Не забывайте это, помните.

СЕМЬЯ ДО ВОЙНЫ Я жила с мамой, папой, младшими братом и сестрой. У нас была очень дружная семья. Родители нас очень любили. Мы с братом уже ходили в школу, сестра же была еще совсем маленькая. В 1941 году я закончила третий класс. Меня ожидало целое беззаботное лето. У меня было много друзей, с которыми я играла, ходила на море купаться, загорать. Мама с папой мою свободу совершенно не ограничивали. Мама была дома с нами, а папа работал на заводе "Лиепаяс металургс". Однажды, вернувшись домой, он сказал, что детей работников завода будут принимать в пионеры и меня тоже примут. Кто такие пионеры, я не знала, а папа сказал только, что это такая детская организация. Мы с папой пошли в клуб металлургов. Там было много детей. В пионеры нас принимал Имант Судмалис. Он был секретарем комитета комсомола Лиепайского уезда. Много говорил о том, кто такие пионеры и какие у них обязанности. А потом повязал нам галстуки и сказал, что красный галстук нужно беречь больше жизни. На этом весь прием и закончился. Я пришла домой, сняла галстук, спрятала его и думать о нем забыла. Однажды в начале июня папа пришел с работы и сказал, что ему дали для меня путевку в пионерский лагерь "Кроте". Это недалеко от Лиепайи. Но я совсем не хотела туда ехать. Мне больше нравилось находиться дома. Тогда я стала уговаривать брата, чтобы он поехал вместо меня. Он еще не был пионером и сделать это было довольно сложно. В итоге, общими усилиями мы уговорили брата Толю поехать вместо меня. Папа переоформил путевку, и брат уехал в пионерский лагерь. Дома остались мама, моя младшая сестра Анна-Хая и я. Наверное, так судьбе было угодно, чтобы тогда, в 1941 году, в пионерский лагерь поехал брат, а не я. Думаю, если бы он остался дома, то его бы не было в живых. Я даже уверена в этом. Мальчиков в концлагерях я не видела. Я осталась дома и наслаждалась своей свободой. Много бегала на море, купалась, загорала. В общем, была вполне счастлива и без пионерского лагеря. Я не знала, что ждет меня впереди, какая страшная жизнь уготована мне в мои неполные 11 лет, через что предстоит пройти и какие будут потери.

ВОЙНА Такое короткое слово. Всего пять букв. Но какое же страшное! Я даже не знала вначале, что оно означает. Мне казалось, что это игра... Наступило 22 июня 1941 года. Ночью вся наша семья проснулась от того, что на улице шумели люди. Мы вышли из дома. Было четыре часа утра, но на улице было очень светло. Все люди смотрели на небо. Были слышны какие-то хлопки, а после них в небе оставались белые шарики. Еще был слышен гул самолетов. Люди стали говорить, что, очевидно, начались военные учения и отнеслись к этому абсолютно спокойно. Мы очень долго стояли на улице и смотрели на небо. Люди громко обсуждали происходившее. Никакой тревоги не было. Мы с сестрой даже стали бегать и играть, о плохом никто не думал. Через некоторое время все разошлись. Утром, когда вышли на улицу, мы узнали, что началась война с Германией. Вернувшись с работы, папа сказал, что фашистская Германия напала на Советский Союз. В соседнем доме сразу оборудовали бомбоубежище. Там был большой подвал, где мы и прятались от бомбежки. В тот же день начали бомбить и Лиепайю. Сразу же было разрушено много домов, а около канала - большие склады. Папа все время был на заводе. К нам в подвал он пришел только через три дня. Сказал, что вместе с другими рабочими идет защищать город от немцев. Папа говорил, что война скоро закончится и он вернется домой. Целую неделю мы просидели в подвале. Вместе с нами там были также наши соседи, среди них и одна русская семья - женщина Аня с двумя маленькими детьми. Муж ее был советским офицером и, когда началась война, он сразу ушел свою часть и больше не появлялся. Аня горько плакала и переживала за детей. Она так же, как и мы, не знала, что теперь может быть. Всю неделю мы изредка бегали домой, чтобы взять какую-нибудь еду. Дома находиться было нельзя, так как город почти непрерывно бомбили. Но вот прошла неделя, в Лиепайе стало тихо и казалось, что война уже закончилась. Город заняли немцы. Мы вышли на улицу. По дороге ехали машины и мотоциклы с немецкими солдатами. Было шумно. Мне казалось, что солдат очень много и что этим машинам нет конца. Мы побоялись идти домой и побежали снова в подвал. Через некоторое время к нам пришли мужчины с повязками на рукавах, на которых были черные кресты, и сказали, что можно возвращаться домой. Бомбить нас больше не будут. Днем вернулся домой папа. Но лучше бы он ушел с армией. Тогда бы у нас оставалась надежда, что он сможет вернуться живым. Папа рассказал, что почти все защитники города погибли и только несколько человек сумели прорваться назад в город. Я, как и все остальные, не знала, как сложится наша жизнь дальше. Но было очень тревожно. Пока ничего не происходило, но все чего-то ждали. К нам часто заходила Аня с детьми. Она очень боялась немцев. Ведь

ее могли арестовать как жену советского офицера. Через несколько дней я слышала, как взрослые разговаривали о том, что на пожарной площади расстреливали евреев. Я никак не могла понять, как это может быть, что просто так расстреливают людей. Мне стало страшно выходить на улицу. Я целыми днями сидела дома и смотрела в окно. Потом действительно началась новая жизнь, тяжелая, в тревоге и страхе. Мы все время чего-то боялись. Вся наша семья сидела дома, никто никуда не ходил. А через некоторое время был издан приказ о том, что евреи должны выходить на работу. Папа пошел на уборку разрушенных домов. Было страшно каждый раз, когда он уходил. Мы с нетерпением ждали его возвращения. Каждый день я слышала разговоры о том, что кого-то из наших родственников расстреляли. Мама пока на работу не ходила. Потом вышел приказ, что все евреи должны пришить к своей одежде шестиконечную желтую звезду. И что нельзя евреям ходить по тротуару, можно только по проезжей части улиц. А по вечерам евреям выходить на улицу вообще было запрещено. Я помню, как однажды вечером к нам во двор заехала машина. Она была, как фургон, без окон и вся черная. Вышли немецкие солдаты и полицейские. Вывели наших соседей, затолкали их в машину и увезли. Потом я узнала, что это была газовая машина. Эта машина ездила по городу и забирала евреев. В основном мужчин. Лето, июль месяц, на улице тепло. Мои друзья играют во дворе, а я смотрю на них через окно. Выходить боялась. Мне казалось, что если я выйду на улицу, меня сразу начнут обзывать, смеяться надо мной. Но иногда желание выйти брало верх, и я все-таки выходила. Но всегда было страшно. Некоторые из моих прежних друзей даже не подходили ко мне, но были и такие, которые продолжали дружить со мной, в том числе и трое детей из немецкой семьи. Мы были соседями. Они не побоялись того, что я еврейская девочка. Потом эта семья нам очень много помогала. В городе начались массовые расстрелы евреев. Около рыбзавода, в парке Райниса, в шкедских дюнах. Многие наши знакомые и родственники были расстреляны. Кончилось лето, и начался новый учебный год. Все дети из нашего двора пошли в школу. Еврейские школы были закрыты, а в школе, где я прежде училась, немцы лечили своих солдат - там был военный госпиталь. Я очень переживала, что не могу ходить в школу. Родители говорили, что совсем скоро война закончится, тогда я смогу снова туда вернуться. Так они меня успокаивали. Помню, что очень много плакала. Я часто думала, почему мы должны жить в таком страхе, почему у нас такая жизнь? Прошло какое-то время, и мама тоже пошла на работу; помню, как однажды, вернувшись, она рассказала, что когда они с группой еврейских женщин шли домой, подъехала газовая машина и забрала почти всех. Маме повезло, так как она с одной женщиной ушли далеко вперед. Эта газовая машина разъезжала по улицам города каждый день. Мы очень переживали из-за того, что ничего не знаем, где находится брат Толя. Вообще-то его звали Тевье. но в детском доме его переименовали на Анатолия, и даже выдали такие документы. Так он и стал Толей. Мы знали только, что всех детей из лагеря "Кроте" вывезли в Россию. Потом в газете написали, что все дети погибли в дороге. Из пионерского лагеря даже привезли одежду детей. Мы с мамой сходили и забрали ее. Наступил декабрь 1941 года. Это был самый трагичный месяц - месяц смерти. Зима стояла очень холодная, а ни дров ни угля не было. Топить печку было нечем. Мы сидели в холодной квартире. Вот тогда к нам на помощь пришли мои немецкие подружки. Они приносили нам уголь. Мы ходили к ним в сарай и пилили для себя дрова. Если бы не они, то не знаю, как бы мы пережили эту тяжелую зиму. Девочки иногда приносили нам картошку и другие продукты. Иногда даже приходили с конфетами. Играли с моей сестрой и подолгу оставались у нас. Они очень рисковали, ведь с евреями не очень-то можно было общаться, а тем более, оказывать какую-либо помощь. Но они не боялись. Мама работала на рыбзаводе. Она каждый день, рано утром уходила туда. Часто приносила с работы рыбу. Это всегда была салака. Мы ее ели каждый день, у нас вся квартира пропахла салакой. Но мы были тогда рады и этому. Я наелась салаки на всю жизнь. Сейчас, когда я ее вижу, мне сразу делается плохо. Папа так и работал на развалинах города. Он приходил домой очень усталый и почти не разговаривал. Рассказывал маме про расстрелы. Почти все наши родственники были расстреляны. У папы было много братьев, а теперь никого из них не осталось в живых. Наступили дни, когда в Лиепае были расстреляны почти все евреи. Это было 14, 15, 16 декабря 1941 года. В местной газете "Курземес вардс" было специальное объявление для еврейского населения города. Все евреи в эти дни должны находиться дома, выходить никуда было нельзя, даже на работу! Мама говорила, что, наверное, хотят всех пересчитать. А папа говорил, что, наверное, нас куда-то вывезут. Наши соседи тоже говорили разное. Но то, что можно столько людей просто так расстрелять из-за национальности - и детей, и стариков, и вообще всех, - об этом мы и подумать не могли. В нашем доме жил молодой парень, который приехал из деревни в город на работу. Его звали Харий. Это благодаря ему мы с сестрой и мамой остались живы в декабре. Он служил в немецкой полиции. Говорил нам, что пошел служить туда для того, чтобы его не забрали в армию. Вот Харий нам и сказал, что надо прятаться, что евреев будут расстреливать, что он это точно знает. С Харием больше общалась наша соседка Фрума Гевелова. Она всех знакомых предупредила, что нужно спрятаться. Но не все поверили ей. Наступило 14 декабря. Мы сидели дома в своей самой теплой одежде.

Наступил вечер. на улице стало темно. Мы сидели и ждали. Было уже очень поздно, но спать никто не ложился. О том, что можно где-нибудь спрятаться, никто не говорил. И вдруг мы услышали, как к нам во двор заехала машина. Говорили на латышском и на немецком. В этот момент папа быстро подбежал к окну, распахнул его и крикнул, чтобы мы с мамой и сестрой выпрыгивали через окно. Мы жили на первом этаже, и окно было не очень высоко. Выходило оно в сад, и мы выпрыгнули туда. В эту минуту мы не думали, что будет дальше, а просто подчинились папе. Он быстро закрыл окно, и мы остались в саду. Было очень темно и страшно. Я знала, что от дома к саду идет веранда, а под ней был подвал. Когда мы играли в прятки, то часто там прятались. Об этом подвале из взрослых мало кто знал. Мы отодвинули доски и залезли под веранду. Ничего не было видно, но я хорошо знала, где находится дверь в подвал. Дверь также была заставлена досками, мы их отодвинули и открыли ее. Когда мы зашли в подвал, то почувствовали, что там кто-то есть. Зажгли спичку и увидели, что в подвале находятся наши соседи. Там было человек шесть - восемь. Была Фрума Тевелова, Минна Вестерман со своей мамой и еще несколько человек. Над подвалом, где мы прятались, жила хозяйка дома с сыном и дочкой. Они тоже были евреи. И вот, находясь в подвале, мы слышали крики, топот сапог, плач женщин. Слышна была речь на латышском и немецком языках. Через некоторое время все стихло. Мы шептались о том, что, если нас здесь найдут, то наверняка тут и расстреляют. Я сидела и дрожала от страха и холода. Плакала сестричка. Ей тогда было только шесть лет. Она очень боялась темноты. Так в подвале мы просидели ночь и весь следующий день. Очень хотелось есть и пить. Когда опять стало темно, я вылезла из подвала и решила забраться к нам в квартиру через окно. Мама боялась отпустить меня, но все стали говорить, что сейчас никого нет и никто меня не увидит. В саду было совсем тихо. Я подошла к окну нашей квартиры и открыла его. Оно не было закрыто на защелку. Я вошла в квартиру. Там тоже было темно и холодно. Тут я поняла, что папа остался в квартире для того, чтобы мы спаслись, и теперь его больше нет. Больше мы его не видели. Я села прямо на пол и заплакала. Сколько я сидела, не знаю, но, наверно, очень долго. Потом встала, пошла на кухню набрала воды и взяла хлеба. Мне все время казалось, что сейчас придет папа. Я стояла и ждала. Но кругом было темно и тихо. И я снова вылезла в окно. Теперь нас осталось трое. И мы должны жить дальше, но без папы. Мама снова пошла на работу, но уже на другую. Она теперь работала в котельной в Военном городке. Эта котельная отапливала немецкие казармы. Иногда мама брала нас с собой на работу. В котельной было тепло. Мы залезали на котлы и там прятались от немецких солдат. Вечером, после работы, мы снова уходили домой. Дома у нас было холодно. Не всегда было, чем топить печку. Иногда мои подружки приходили к нам с углем. После войны я пыталась найти кого-нибудь из этой семьи, но не смогла, потому что не знала даже их фамилию. Только благодаря им у нас дома хоть иногда было тепло. На улице мы не бывали. К нам тоже почти никто не приходил. Каждый день до нас доходили разговоры о том, что снова были расстреляны евреи. Иногда днем я ходила к своим двоюродным - сестре Хаве и брату Иосифу. Они жили далеко от нас, около базара. Мы с сестрой одевались потеплее, прятали свои желтые звезды и выходили на улицу. По внешности нельзя было сказать, что мы еврейские девочки. На какое-то время мы становились латышками. Мы очень боялись, но нам также очень хотелось прогуляться по улице. Нам не хотелось выделяться, думали, лучше быть как все. По-латышски мы говорили хорошо, без какого-либо акцента. Всегда говорили громко, чтобы все слышали, что мы говорим на латышском. Мимо проходили немецкие солдаты, полицейские, но не обращали на нас никакого внимания. Мы возвращались. Если бы нас поймали, то это кончилось бы расстрелом. Ведь это было прямое нарушение закона. Но нам очень хотелось быть свободными. Вот такие были у нас игры со смертью. Дома у нас было тихо. Мама утром уходила, возвращалась поздно. Не всегда она могла брать нас с собой. На улице было очень холодно, а до Военного городка, где она работала, надо было идти пешком. Туда ходил трамвай, но евреям ездить на нем запрещалось. Иногда мама с работы приносила какую-нибудь кашу или суп. Говорила, что это ей давали в столовой, где работали латыши. Мы были рады еде. Наступил февраль 1942 года. Снова был расстрел евреев. Утром мама взяла нас к себе на работу. Я не помню, откуда мы узнали, что опять будут забирать евреев. Немецкий офицер, который был начальником в котельной, сам сказал маме, чтобы она с детьми не уходила домой, чтобы осталась на работе. Так мы и сделали. Солдат даже приносил нам поесть. Днем мы иногда выходили на улицу. А спать на котлах было жарко и душно, сильно пахло дымом и пылью. Было трудно дышать. Днем у нас все время болела голова. Наверное, за ночь мы угорали, надышавшись дымом. Ведь котлы топились углем. Мы прожили в котельной четыре дня. Хорошо, что в это помещение никто не заходил. Был только латыш-кочегар, и несколько раз в день приходил солдат, который нам приносил поесть. Он был хорошим человеком. Рассказывал маме, что у него в Германии остались жена и двое детей, что очень переживает за них. На пятый день, после работы мы ушли домой. Шли из Военного городка пешком. Хорошо помню, как нас на мосту остановил немецкий патруль. Солдат спросил, куда это мама ведет детей. Она сказала, что мы были у нее на работе, а теперь возвращаемся домой. Шли долго. На улице было холодно и скользко. Мы жили очень далеко от

Военного городка. Аня была еще маленькая: ей не было и семи лет и она очень уставала. Я думаю, что она вообще не понимала, что с нами происходит. Она постоянно вспоминала папу: все ждала, что он придет с работы. Папа всегда играл с нами. После работы сажал нас всех троих за стол и показывал разные фокусы. Часто читал нам сказки. С ним всегда было весело. Аня говорила, что вот война закончится и папа обязательно вернется домой. Сейчас, когда я это пишу и думаю о том, что ее и маму расстреляли, мозг отказывается это понимать. Невозможно себе это представить. Время шло вперед. Наверное, это было в апреле 1942 года. На улице стало теплее, и я тоже должна была начать работать. Я вместе с другими женщинами ходила в Военный городок и работала там на стройке. Нас там было три еврейские девочки. Мы строили какую-то башню. Таскали кирпичи, носили воду. Кроме нас, на этой стройке работали и латыши. Они к нам относились хорошо. Всегда чем-нибудь угощали. Помню, один рабочий нам все время давал хлеб, намазанный творогом. Я до сих пор очень люблю хлеб с творогом, а тогда нам это казалось пирожным. На той стройке я работала не долго. Нас, троих девочек, отправили на спичечную фабрику. Там я работала в цехе, где изготавливали блоки для строительства барачков. Тут было намного легче. Не надо было носить тяжелые кирпичи. Да и работали мы в помещении. Моя работа мне даже нравилась. Мне было только 12 лет и мне она казалась игрой. Я должна была забивать гвозди. Правда, очень часто попадала себе по пальцам, но потом наловчилась бить по гвоздю. Наступило лето 1943 года. Мама мне сообщила, что ей на работе сказали, что всех евреев переселяют в гетто. Что это такое, я не знала. Мама сказала, что все евреи, которые живут в городе, теперь будут находиться в одном районе, огороженном колючей проволокой. И нас будут охранять полицейские. Пока все было по-старому. Мама и я уходили на работу, сестра оставалась дома одна. Иногда мама брала её с собой. Мы все время жили в тревоге. Не знали, что будет с нами на следующий день. В июле 1943 года к нам пришел полицейский и сказал, чтобы мы собирали вещи - нас переселяют в гетто. Еще нас предупредили, что брать с собой можно только одежду, постельное белье и посуду. Полицейский сказал, что мебель брать не надо - там все будет. И добавил, что в гетто мы будем жить по несколько семей в одной комнате. Мы собрали все, что могли. Было страшно думать о том, как мы будем жить там, за колючей проволокой. ГЕТТО Это был район города между улицами Аишу, Кунгу, Дарзу и Бариню, огороженный колючей проволокой. Нас поселили в одной комнате на втором этаже в доме на улице Дарзу. Кроме нас, в этой комнате жили еще пять человек. Для нас там были две кровати и тумбочка. Мы с Аней спали на одной кровати, а мама отдельно. Кухня была одна на весь второй этаж. Было очень трудно так жить. Люди не привыкли к такой тесноте. Нервничали, ругались. Переодеваться при всех было очень неудобно. Мне все время казалось, что мы тут проживаем временно, что скоро это должно закончиться и мы вернемся домой. Но время шло, а ничего не менялось. Когда я выходила на улицу, видела забор и полицейских у ворот, то понимала, что отсюда мы никогда не выберемся. В гетто мы жили в доме, который находился напротив ворот. Из окна я видела, как менялась охрана, как уходили из гетто на работу и как снова возвращались обратно. Каждое утро мы с мамой уходили на работу. Аня оставалась в гетто. Она всегда просилась, чтобы ее взяли с собой, но из гетто маленьких детей не выпускали. На нашем этаже в одной из комнат жила семья из трех человек - пожилой мужчина и две его дочери: Женя и Циля. Их фамилия была Новосильские. Дочки работали, а отец находился дома. Мама всегда просила его, чтобы он присмотрел за нашей Аней. Женя работала вместе со мной. Она была на несколько лет старше меня. Женя была очень красивая девочка. Мы с ней очень дружили, но потом, когда нас увезли из гетто в лагерь Кайзервалд, я ее потеряла. Не знаю, что с ней случилось. Работала я с раннего утра до позднего вечера. Уставали ноги, болели руки. За одним рабочим столом было несколько человек. Рядом с нами работали латыши - муж с женой. Они меня учили, как надо правильно забивать гвозди. Перевязывали пальцы, которые я разбивала молотком, угощали меня бутербродами. Спрашивали меня, как мы живем в гетто. Иногда приносили мне конфеты. Им было меня жалко, потому что я такая маленькая, а должна целый день работать. Часто в гетто приходили немцы, и тогда мы знали, что кого-нибудь опять увезут. Приходили полицейские, проверяли комнаты: следили, чтобы все были на месте. В гетто нас становилось все меньше и меньше: те, кого увозили из гетто, уже туда больше не возвращались. Была в гетто и какая-то взрослая жизнь, но детей в это не посвящали. Детей в гетто вообще было мало. И они не были похожими на тех детей, которые жили на свободе. Не видно было, чтобы кто-то играл, бегал. Я даже не выходила на улицу, так как на работе очень уставала. В гетто все было пропитано горем. Иногда мы, дети, собирались вместе и обсуждали события которые доходили до нас. Узнавали друг от друга, что ночью кого-то забрали, кто-то не вернулся с работы. Дети переживали этот кошмар вместе со взрослыми. Наступила осень 1943 года. Появились слухи, что гетто будут ликвидировать. Мы знали, что это значит: всех расстреляют. Люди постоянно говорили об этом. Еще были были разговоры о том, что нас всех перевезут в рижское гетто, но в это мало кто верил. Почти все были уверены, что нас никуда не повезут. В это время из гетто сбежало несколько семей. Я знала только семью Зивцонов. Но нам бежать было некуда. Мы ждали, что

будет. К нам пришли полицейские и сказали, что через неделю нас повезут в Ригу, что с собой можно взять самое ценное и необходимое. Стали собираться. Мама очень переживала. Часто плакала. Помню, как я была спокойна. Я не думала, что нас могут расстрелять. Помню, как старалась успокоить маму. Откуда у меня было это спокойствие - не знаю. На работу мы больше не ходили. Все находились в гетто и ждали. И вот к нам пришли полицейские и сказали, что рано утром мы должны выйти на улицу к воротам. Колонной пойдем к железной дороге. Я всю ночь не спала. Сидела у окна и смотрела на улицу. Я очень много думала. Вспоминала папу и довоенную жизнь. Как, наверно, ему было страшно и больно, когда его расстреливали и как страшно это было, когда расстреливали детей. Я понимала, что я ничего не могу изменить. У меня все внутри болело. Сейчас, когда я очень нервничаю и переживаю, когда мне плохо, то у меня тоже появляется какая-то боль внутри. Я вспоминала своих друзей, всех девочек, с которыми дружила, и думала: как им хорошо, что они все это не переживают. Они даже не знают, что с нами происходит. И только потому, что мы евреи, мы живем в этом ужасе. Спать я не ложилась и всю ночь просидела у окна. Было еще совсем темно, когда стали собираться люди. Мы вышли на улицу. Все стояли у ворот и ждали. С чемоданами и сумками. Было очень холодно и темно. Когда все собрались, пришли немецкие солдаты, офицеры и полицейские. Нас построили в колонну и повели куда-то под охраной. Куда нас ведут, было непонятно. Некоторые пытались узнать у полицейских, но они ничего не говорили. Через некоторое время мы и сами поняли. А вели нас к железнодорожному мосту. Было очень рано, и на улице никого не было. Никто нас не видел. Мы подошли к железной дороге и увидели, что там стоят товарные вагоны. Около вагонов нас остановили. Их открыли, и мы должны были в них залезть. Делать это надо было быстро. Двери высоко, залезть туда было очень сложно, многие падали, карабкались и снова падали. Полицейские кричали, подгоняли нас. Когда мы оказались в вагоне, дверь сразу задвинули, у нас в вагоне было много людей. Было темно, а через окошко свет не проникал. На полу была набросана солома. В темноте мы даже не видели лиц людей. Все стояли и молчали. Сидеть было не на чем. Через некоторое время услышали, как двери закрыли на засовы. Начинали плакать женщины. Теперь все были уверены, что нас куда-то вывозят, чтобы расстрелять. Было слышно, как на улице все время кричали полицейские и немцы. Они торопили людей. Наверное, для того, что бы успеть всех загнать в вагоны, пока, на улице малолюдно. Через некоторое время все стихло и поезд тронулся. Мы сели на пол. Все еще было темно. Каждый про себя думал только об одном - что же будет дальше. В нашем вагоне было много людей. Сколько, я вначале даже не представляла. Помню, что было трое мужчин, а остальные женщины. И трое детей: я, моя сестра и один очень маленький ребенок. Я его даже не видела, но слышала как он плакал, не переставая. Еще у нас в вагоне была девушка. Ей все время было очень плохо с сердцем. Она лежала и не вставала. Одно время мне показалось, что она умерла. Никакой медицинской помощи, конечно, не было. У кого-то нашлась валерьянка, и этим ее поили. Несколько раз поезд останавливался и подолгу стоял. Мы стучали в дверь, чтобы нас выпустили в туалет, но никто к нашему вагону даже не подходил. На улице стало светло и я увидела, кто находится в вагоне. Нас было, наверно, человек двадцать пять. Я сидела рядом с мамой. Сестра Аня спала. Я то лежала, то сидела, но спать не могла, все время думала, что нас ожидает. Один раз поезд долго стоял, и нас по несколько человек стали выпускать в туалет. Кругом был лес. Мы не знали, где находимся. На наши вопросы полицейские не отвечали. Немцы тоже ничего не говорили. Я все время думала о сестре. Мне ее было очень жалко. Она спала и постоянно кашляла, так как была сильно простужена. Поезд шел и шел. Больше он нигде не останавливался. Снова стало темно, и ничего нельзя было разглядеть. Я сидела и думала, что хорошо было бы, если бы произошло крушение поезда и мы все погибли. Но поезд шел и ничего не происходило. Потом он стал замедлять ход, и я поняла, что мы, наверно, куда-то подъезжаем. Наконец, поезд остановился. КОНЦЛАГЕРЬ КАЙЗЕРВАЛД (РИГА) Поезд остановился, но вагон был закрыт. Слышно было, как говорят на немецком. Потом я услышала лай собак совсем близко. Кто-то подошел к нашему вагону и отодвинул дверь. Яркий свет ослепил нас. Первое, что я увидела, были немецкие солдаты, полицейские и собаки. Собаки очень громко лаяли. Прожекторы ослепляли нас ярким светом. Еще я запомнила громкую музыку. Это были какие-то немецкие марши, очень веселые. Недавно я побывала в Германии, в Берлине. Нас, бывших узников гетто и концлагерей, пригласило немецкое общество «Максимиллиан Колбе Верке». Всю нашу группу из Латвии, Эстонии и Литвы повели на какое-то уличное представление. И я там услышала музыку, показавшуюся мне знакомой, будто я ее уже где-то слышала. Я вспомнила! Та же музыка звучала, когда мы приехали в лагерь Кайзервалд. Передо мной вдруг встала картина из далекого прошлого. Я ясно увидела лагерь, солдат, полицейских. Я как будто сознание потеряла. Мне стало плохо, и я чуть не упала. Я всех перепугала, но что это было, говорить не стала. Вечером я долго не могла заснуть: вспоминала, как под эту музыку люди выпрыгивали из вагонов, как нас загоняли в лагерь. До сих пор мы все были вместе, а потом женщин и детей поместили в бараки отдельно от мужчин. Мы находились в большом бараке. Там были трехъярусные койки, а вместо матрасов и

подушек - мешки, набитые соломой. Мы сидели на койке рядом с мамой. Нам было очень страшно. Но потом мы с сестрой всё-таки заснули. Я проснулась от собачьего лая и громкого разговора. Это пришли немецкие солдаты и сказали, чтобы мы все выходили на улицу, а все свои вещи оставили в бараке. Мы вышли на площадь перед бараком. С собой ничего не взяли. У мамы была только маленькая сумочка с документами и фотографиями. Построили так, чтобы нас было хорошо видно. Детей надо было поставить впереди. Мужчин я не видела. Они, наверное, находились в другом месте. Лагерь был большой и барачков тоже было много. Мы все стояли и думали, что же теперь с нами будет. Около нас стояли наши соседи, с которыми мы жили в гетто. Это были Женья и Циля Новосильские. Они не знали, куда подевался их отец и очень волновались за него. Он ведь был пожилой человек с больным сердцем. Подошел немецкий офицер и что-то сказал солдатам. Те объявили, что женщины с маленькими детьми, больные и старые должны выйти вперед. Мы с мамой и сестрой вышли. Но ко мне подошел солдат, схватил за плечо и толкнул назад. Я вырвалась от него и с плачем попыталась вернуться к маме, но он толкнул меня еще раз. Так сильно, что я даже упала. Тогда одна женщина схватила меня за руку и поставила рядом с собой. Я начала кричать, хотела вырваться, но она меня крепко прижала к себе, и я осталась около нее. Мне кажется, что я даже сознание потеряла на какое-то время, потому что плохо помню, как нас с мамой разлучили. Помню, когда я снова пришла в себя, то увидела, как уводят женщин и детей. Больше я маму и сестру никогда не видела... Женщина, которая меня держала, плакала, так как у нее тоже увели маму. Я помню, что мне было очень плохо. Я даже не могла стоять на ногах. Эта женщина меня почти несла на руках. Я не помню, как ее звали, но она тоже была из Лиепайского гетто. Потом нас всех снова загнали в барак, я все время плакала, хотела выбежать, но в бараке около дверей стояла охрана и никого не выпускала. Через какое-то время пришли немецкие солдаты и сказали, что всем надо идти мыться. Нас всех повели в другой барак, заставили раздеться. Надо было снять всю одежду. Это было ужасно. Я была еще маленькая, но что чувствовали взрослые девушки и женщины! Все стояли совершенно голые. Кругом были солдаты и полицейские. Мне казалось, что их было очень много. Нас заставили идти под душ. Вода была почти холодная. Без конца входили и выходили солдаты. Они все время смеялись. Я думаю, что они специально так развлекались. Почему бы не посмотреть на голых еврейских женщин. Я стояла под душем, на меня лилась холодная вода, но я ничего не чувствовала. Я все время думала, где моя мама, как я буду без нее. Эту женщину, которая меня держала, я больше не видела. Рядом со мной стояли две девушки, уже взрослые, они пытались хоть как-то прикрыться руками. Я только сейчас понимаю, что чувствовали эти женщины, когда солдаты на них смотрели и смеялись. Всю одежду, которую мы с собой сняли, куда-то унесли. Когда мы помылись, пришли другие солдаты с парикмахерскими машинками и стали всех стричь наголо. Я помню эту гору разноцветных волос. У меня были длинные косы. Меня вообще никогда не стригли. Сначала солдат ножницами обрезаю мне косы, а потом стал стричь машинкой. Помню, как всю эту гору волос собирали в мешки и уносили. После стрижки нас отвели в другое помещение и стали выдавать одежду. Это была совершенно чужая одежда. Может быть, этих людей, которым она принадлежала, уже не было в живых. Я стала одеваться, но мне все было очень велико. А менять ничего было нельзя. Единственное, что мне подошло, это пальто. Оно было очень красивое - теплое, зимнее, с воротником. Я тогда подумала, что его, наверное, отняли у такой же девочки, как я. Если она жива, то во что она сейчас одета? Потом нас снова отвели в барак. Я оказалась совсем одна. Кругом было много людей, но все были поглощены своим горем. У кого-то отняли мать, у кого-то отца, ребенка, брата, сестру. Всем было не до меня. Я сидела на койке и плакала. Хотелось умереть. Я не знала, какие еще муки ада меня ждут, через какие еще испытания я должна пройти. На следующий день нас вывели на улицу. Всех снова построили. На площади стоял стол. За ним сидел немецкий офицер и еще какие-то люди. На каждого человека заполняли какую-то бумагу. Все должны были по очереди подходить к столу. Немецкий офицер осматривал каждого и записывал: какие у кого глаза, нос, рост, сколько кому лет. Когда всех записали, нас снова отвели в барак. Через какое-то время я пришла в себя. Я поняла, что теперь осталась одна: без мамы и без папы. Некоторые женщины, которые знали мою маму еще в Лиепае, стали больше общаться со мной, стали успокаивать меня. Часто в лагерь привозили новых людей и я сразу у них спрашивала, не видел ли кто-нибудь мою маму и сестру, но никто не мог мне ничего сказать. Однажды из Риги привезли большую группу новичков. Это были евреи из рижского гетто. Меня тогда нашла одна женщина, которая была знакома с моей мамой. Она мне сказала, что видела в гетто маму и сестру. Мама передать мне, что они пока находятся в Риге, в гетто. Это была последняя весть о моих маме и сестре. Через какое-то время я услышала, как женщины говорили, что из рижского гетто увезли всех женщин с детьми, стариков и больных. Что это означало, я уже знала. Знала, куда увозят этих людей, и что с ними происходит. Я долго плакала. Не знала, что со мной будет, но знала, что теперь я совсем одна. Взрослых стали куда-то отправлять на работу, а я все время находилась в лагере. Целыми днями бродила одна. Когда не было построения, то сидела на нарах и опять плакала. Однажды,

когда я так ходила, ко мне подошла девочка. Она была почти такого же возраста, как я, говорила на каком-то странном немецком языке. Я ее почти не понимала, хотя немецкий я знала хорошо. Потом подошла ее мама. И вот, что я узнала от них. Они в лагере были уже давно. Маму, бабушку и ее привезли из Австрии. Бабушку сразу от них отделили, а потом увезли в Ригу, в гетто. Они тоже не знали, что с ней случилось. А вот, пальто, которое я ношу, это ее пальто. У них также отняли всю одежду, когда они были в душе. Девочку звали Инга. Мы с ней быстро подружились. Теперь я уже была не одна. Мама Инги говорила, что теперь у нее две дочки. Я все время находилась с ними. Так мне было легче. Три раза в день нас кормили. Если это можно так назвать: утром был чай и несколько кусочков хлеба с маргарином или мармеладом. Вечером то же самое, а в обед был какой-то суп. Даже не могу вспомнить, какой он был. В бараках стоял холод. На койках были мешки, набитые соломой, и такого же типа подушки, и одеяла, которые совсем не грели. Рано утром нас выгоняли на площадь, чтобы проверить. ЛАГЕРЬ В СЛОКЕ Наступил 1944-й год. Кажется, это было в январе или в феврале. Точно помню, что на улице было очень холодно. Нас выгнали из барака и построили на площади. Потом отсчитали 20 человек. Я тоже попала в это число. Нам сказали, что мы будем работать на бумажной фабрике в Слоке. В Слоку нас привезли в товарном вагоне. Там был небольшой лагерь, где содержались и мужчины, и женщины. Небольшая территория, окруженная колючей проволокой. Было два барака, где мы все и жили. Мужчины и женщины отдельно. Всего, наверное, около сотни человек. Охраняли нас латышские полицейские. В этом лагере я встретила своего дядю. Это был брат моего папы. Он был очень болен. Почти не мог ходить. Он не работал. Я приходила к нему каждый день. Относила ему свою порцию хлеба. Но я очень быстро его потеряла. Однажды пришла, а его уже не было. Мужчины мне сказали, что троих куда-то увели. Им сказали, что их отправляют назад в Кайзервалд. Больше я своего дядю не видела. Я знала, что того, кто не может работать, расстреливают. Я видела в лагере, как уводили людей, которые болели, и больше они не возвращались. Из всей нашей многочисленной родни осталась я одна. Почти все были расстреляны еще в Лиепае. В Слоке я работала на заготовке бревен. Их очищали от веток и коры. Потом они шли на изготовление бумаги. Я работала на улице. Мне дали большой нож с двумя ручками и я должна была этим ножом очищать большие бревна. Вначале я никак не могла справиться с ножом. Он все время выпадал у меня из рук. Но потом научилась. На улице было очень холодно. Мерзли руки. Рядом со мной работал мужчина с мальчиком. Мальчику было, наверно, лет пятнадцать. Он был простужен, все время кашлял и был очень худой. Мужчина был его отцом и все время старался все сделать за него. Фамилия у них была Якобсон, имен я уже не помню. Нас охраняли полицейские. Еще вместе с нами на улице трудились и латышские рабочие. Иногда латышские женщины давали мне что-нибудь поесть из того, что у них было с собой. В лагере детей не было, кроме меня и того мальчика. Нам было очень тяжело выполнять эту работу. Бревна надо было поднимать с земли, класть на подставки, очищать, а затем снова опускать на землю. Мне шел четырнадцатый год. Сейчас, когда пишу эти строки, то не могу себе представить, как я могла все это выдержать. Я почти не болела, а ведь целыми днями была на холоде. У меня все время мерзли ноги и руки, все время хотелось есть. Иногда во время работы мне удавалось забежать в котельную, где было тепло. Там я немного отогревалась и бежала назад на работу. Охранник, конечно, это видел, но ничего не говорил. Однажды утром я пришла на работу и увидела, что места мужчины и мальчика пустуют. Их не было.. Я спросила у охранника, где они, и он мне ответил, что они больше не придут, что их увезли обратно в Кайзервалд. Больше я их не видела. После работы мы возвращались в холодный барак. Бараки почти не отапливались. Вечером я не раздевалась - так и спала в пальто. утром с трудом вставала и снова шла на работу. Пришла весна 1944 года. В конце апреля нам сказали, что мы возвращаемся в Кайзервалд. Но отправили не всех, а только женщин. Все мужчины остались в Слоке. Что с ними потом стало, не знаю. Так я снова оказалась в лагере Кайзервалд. Никого из знакомых не увидела. Прибыла целая группа женщин из рижского гетто. Я стала спрашивать, не видел ли кто-нибудь мою маму. Но никто ничего мне не говорил. Потом я узнала что рижское гетто ликвидировали. А что это значит, я понимала. Правда, меня успокаивали, говорили, что, может быть, их отправили в другой лагерь. Но я в это не верила, так как слышала разговоры о том, что в Риге расстреляли всех евреев гетто. Я снова целыми днями была в лагере. На работу никуда меня не отправляли. На улице стало тепло, но я заболела. У меня была очень сильная ангина с высокой температурой. Очень болело горло. Я знала, что болеть нельзя. Больных в лагере не держат. Я помнила, что стало с моим дядей, с мальчиком и его отцом в Слоке. Я каждое утро вставала и выходила на проверку. Женщины где-то достали таблетки, и у меня температура спала. Я почувствовала себя лучше, только жутко кашляла. Был конец мая 1944 года. Однажды, когда нас построили на площади, пришли немецкие солдаты и офицер. Офицер отобрал восемь женщин. Я тоже попала в эту группу. Потом привели еще двух мужчин. Нас отвели в сторону. Остальные вернулись в барак. Мы, конечно, испугались, ведь никто не знал, для чего нас отобрали. Но потом нас подвели к машине, которая была накрыта брезентом. Вместе с нами в машину сели три солдата. Все

женщины начали плакать. Я села на пол и тоже плакала. В кузове с нами сидел солдат. Я через брезент видела, что мы едем по какой-то дороге через лес. Я никак не могла успокоиться. Вдруг ко мне подошел немецкий солдат и сказал, что не надо плакать, что с нами ничего не случится, что мы едем на работу в армейское подсобное хозяйство. Он стал рассказывать, что мы там будем делать. Что будем работать в поле, собирать овощи и фрукты для немецкой армии. РАБОТА В БАЛОЖИ Это было самое лучшее время за все четыре года войны. Оно продлилось два с половиной месяца. Такое было чувство, как будто я попала в сказку... Мы приехали в Баложи. Это было недалеко от Риги. Сейчас-то я знаю, где это место. Но тогда и понятия не имела. Нас всех, мужчин и женщин, разместили в одной комнате. Это был маленький деревянный домик. Кругом были поля, речка и лес. В домах недалеко от нас жили латышские крестьяне. Тут выращивали овощи и фрукты для немецких воинских частей. Когда мы приехали, то в тот же день поняли, что нам очень повезло. Нас позвали обедать. Латышская женщина отвела нас в другой дом, где на столе были хлеб, масло и молоко. Было то, чего мы давно не видели. Вообще, вся еда сильно отличалась от той, что была в лагере. Каждое утро мы ходили на речку мыться. Потом был завтрак. После завтрака за нами приходил агроном и мы шли в поле. Когда была плохая погода и шел дождь, то офицер на работу нас не отправлял. Он даже очень дружески с нами общался, рассказывал про свою семью, про свою жизнь в Германии. Это было самое светлое время в той страшной жизни. О том, что будет дальше, никто не хотел думать. Я очень жалею, что не запомнила фамилий тех, кто вместе со мной был в Баложи. За это время я очень хорошо научилась говорить по-немецки. Даже по-венгерски немного знала. Все плохие мысли приходили ко мне обычно вечером или ночью. Все спали, а я лежала и тихо плакала. Вспоминала маму, папу, сестру. Я знала, что их уже никогда не увижу. Но надеялась, что, может быть, где-нибудь живет мой брат. Может быть, он не погиб. Иногда ночью я выходила, садилась на ступеньки крыльца и смотрела на звезды. Мне казалось, что сверху на меня кто-то смотрит. Я искренне верила, что на небе есть кто-то, кто мне помогает выжить. Я думала, что же я такое плохое сделала, что у меня отобрали родителей, что у меня такая страшная судьба. Иногда мне все-таки казалось, что мама где-то есть и мы с ней обязательно встретимся. Но вот наступил день, когда за нами приехала машина из лагеря. Мы прощались с латышскими женщинами, с которыми очень подружились. Все плакали, так как знали, что больше мы уже не встретимся. Мы не знали, что нас ожидает в лагере. Но были уверены, что так, как мы тут жили, как к нам здесь относились, такого уже больше не будет. Наш агроном обнял меня и сказал, чтобы я не думала, что все немцы плохие. Он ко всем нам очень хорошо относился. Меня он всегда жалел, никогда не заставлял делать тяжелую работу. И часто говорил. "Фанни, не надо плакать, все будет хорошо". Я его очень хорошо помню. И СНОВА КАЙЗЕРВАЛД Нас привезли в концлагерь. Все началось сразу: построения, крики солдат, лай собак, ужасная еда и ужасные слухи. После Баложи мне было очень плохо. Я была совсем как неживая. Помню, что я почти ничего не ела, ночью не спала. У меня было такое состояние, как будто я уже умерла. Это заметила одна из женщин, которая была вместе со мной в Баложи, и помогла мне. Она все время находилась рядом со мной. Она была из Литвы. У нее были дети и она не знала, где они и что с ними. Они вместе с ее мамой остались в Риге, в гетто. Был август 1944 года. Настал день, когда нам сказали, что лагерь ликвидируется и нас переводят в другое место. Через несколько дней нас на закрытых машинах привезли в Рижский порт. Там стоял большой корабль. Всех загнали в трюм. это в самом низу корабля. Там было очень тесно. Люди сидели на полу. Их было очень много. Даже сидеть было негде. Некоторым сразу стало плохо. Стали говорить, что нас вывезут в море, и корабль вместе с людьми пойдет на дно. Но корабль плыл, и ничего не происходило. Многих сильно укачало, меня тоже. Но я не знала, что будет еще хуже. Что еще будет концлагерь смерти Штуттгоф и лагерь Бытгощ. Сколько дней мы плыли на этом корабле, не знаю, ибо все слилось в один сплошной кошмар. Я даже не могла отличить день от ночи. Ни есть, ни пить нам не давали. Я все время лежала на полу. Рядом со мной лежала женщина, она даже не шевелилась, была без сознания, как мертвая. Изредка сверху заглядывала охрана, но никакой помощи нам не оказывали. Любопытство когда-то заканчивается, закончился и этот. Корабль прибыл в порт Данциг, сейчас Гданьск. Нас стали выгонять с корабля на причал. Многие не могли ходить, а некоторые вообще не вставали. Женщина, которая лежала рядом со мной, тоже не встала. Нас построили в колонну и куда-то погнали. Охрана все время кричала, чтобы мы шли быстрее, но люди еле двигались. Через некоторое время мы подошли к месту, где на воде стояли баржи. Все должны были зайти на эти баржи. Их было множество. На барже, где я оказалась, было очень много заключенных. Столько, что было даже трудно повернуться. Над нашими головами поставили металлические сетки. Было очень жарко и сильно хотелось пить. Некоторые женщины стали просить, чтобы им дали воды. Но охранники только кричали на нас, чтобы мы замолчали. Когда всех загнали на баржи, мы куда-то поплыли. Мне кажется, что весь путь до концлагеря я вообще была почти без сознания. Потому и помню его плохо. Единственное, что помню хорошо, так это железную решетку и жаркое солнце над головой. Баржи плыли очень долго. Помню, как мы пристали к берегу.

Кругом был песок, на который нас выгнали из барж. Помню, когда я ступила на землю, меня очень сильно тошнило. Я даже не могла стоять. Если бы меня одна женщина не держала, то я, наверное, упала бы на землю. Нас построили в колонну, и мы побрели по песку. Люди еле шли, так как очень ослабли за время морского пути. Охрана все время заставляла нас идти быстрее. Мне казалось, что шли мы очень долго. Но вот дорога закончилась, и впереди показался лагерь. Это был концентрационный лагерь Штуттгоф. Открылись ворота, и мы все зашли на его территорию. Никто не знал, что нас ожидает там. **КОНЦЕНТРАЦИОННЫЙ ЛАГЕРЬ ШТУТТГОФ** Лагерь был огорожен колючей проволокой, по ней шел электрический ток. Это я сразу поняла. Еще я увидела высокую трубу, из которой шел дым. Нас разместили в больших бараках. В каждом бараке были трехъярусные нары с мешками и подушками, набитыми соломой. Еще были одеяла. В бараке оказалось очень много женщин, но детей моего возраста я не заметила. Через какое-то время нас снова построили на площади перед бараком и повели в душ. Вода в душе была почти холодная. После этого душа мне стало немного легче. Я напилась воды и мне казалось, будто я что-то поела. На этот раз нас не стригли. Но после душа нашу одежду уже не вернули. А выдали всем полосатую арестантскую форму в бело-серую полоску и обувь на деревянной подошве с брезентовым верхом. Еще каждому выдали шестиконечную желтую звезду и номер, который был написан на кусочке ткани. Все это надо было пришить к своей одежде. Еще из одежды нам выдали нижнее белье, платье, нечто вроде куртки и платок. После душа нас снова отправили в барак. Я села на какую-то койку. Сидела и думала, что теперь будет, что меня тут ждет. Я, наверное, уснула, так как пришла в себя оттого, что меня трясла женщина. Она мне сказала, что нельзя спать днем, чтобы я сидела просто так на койке. Потом в барак пришли офицер с женщиной. Офицер сказал, что эта женщина будет у нас старшая, и это называется "капо". Стали всех записывать в какую-то книгу, и каждого долго рассматривали. После этого нас всех снова выгнали на площадь. Стоять было очень тяжело: сил ни у кого не было. Люди были измучены до предела. Я снова увидела трубу, из которой шел дым, и спросила у женщин, что это такое. И мне сказали, что это крематорий, что, возможно, и мы туда попадем. Я очень плохо помню первые дни пребывания в Штуттгофе, мне кажется, что я тогда была снова будто без сознания. Выходить и строиться в колонну надо было очень быстро. Это построение называлось "аппель". На таком аппеле мы иногда стояли по несколько часов. Если кто-то не мог стоять, то подходил охранник и бил палкой по голове. Я помню, что на один аппель нас подняли ночью, я даже не успела проснуться. Нас заставили быстро построиться. Я стояла, и у меня были закрыты глаза. Я не видела, как подошел охранник, он ударил меня палкой по голове. У меня с головы потекла кровь. Я стояла и даже не могла вытереть ее. У меня все лицо было в крови. Мы тогда стояли долго. Начался дождь, который смыл с моего лица кровь. У меня была сильно разбита голова. Она болела еще очень долго... Кормили нас три раза в день. Если это вообще можно назвать едой! Утром нам давали кусочек хлеба с маргарином или с кусочком мармелада. Пить давали какую-то жидкость темного цвета. Она была очень сладкая. Потом я узнала, что сладкая она была от сахара. В обед давали суп. Из чего он был приготовлен, было непонятно. Жидкость с чем-то густым. Приготовлена, наверное, была из картофельных очистков. Иногда давали какую-то кашу. Вечером снова кусочек хлеба с маргарином и ту же сладкую жидкость. Ее можно было получать несколько раз, и люди ее мною пили. Потом распухали ноги и лицо. Становилось тяжело ходить, начинались боли в животе, часто надо было бегать в туалет. Но туалетов было мало для такого количества людей. У многих было расстройство желудка. От этого люди слабели еще больше. Некоторые женщины даже не могли встать. К нам в барак стали приходить офицер и солдаты. Они проверяли, кто не может ходить и уводили тех, кто все время лежал. Куда их уводили, все знали. Ведь днем и ночью дымила труба. Я тоже еле ходила: у меня совсем не было сил. Но я очень боялась, что меня также могут увести. В лагере мы ничего не делали, только умирали или нас убивали. День и ночь состояли из аппелей, стояния в очереди в туалет и ожидания еды. Лагерь был очень большой и было очень много людей из разных стран. Часто к нам в барак приводили новых женщин. Они были из Австрии, Голландии, Польши. Если поступали старые и больные, то их сразу уводили. Одно время мне стало очень плохо. У меня очень распухли ноги. Я перестала пить жидкость, которую нам давали утром и вечером. Пила воду, которая была в туалете. Но у меня начался понос, и я почти не выходила из туалета. В это время по ночам мне даже снились все ужасы, которые со мной могут случиться из-за болезни. Я практически не пила. Но потом мне стало лучше, и я перестала думать о крематории. Не знаю, как, но я все-таки держалась на ногах. Я думаю, что этому способствовал мой возраст. Наверное, в четырнадцать лет у человека больше запаса сил, чем у взрослого. Еще мне придавало сил то обстоятельство, что я никак не могла смириться с тем, что может наступить конец моей молодой жизни. В нашем бараке старшей была русская женщина из военнопленных. Старшую называло "капо", ее имя было Нина. Я ее очень хорошо запомнила. У нее в бараке была отдельная комнатка. Она очень часто приходила к нам в барак выпившая. Когда появлялись немцы, то обязательно заходили в ее каморку. Потом вместе с ней обходили весь барак. Однажды Нина услышала, как в

бараке одна девушка тихо пела песню "Синий платочек". Девушку звали Эрика, и она была вместе с мамой. Они были из Литвы. И вот, Нина каждый раз, когда была пьяная, приходила к нам в барак и уводила с собой Эрику. Когда Эрика возвращалась, то рассказывала, что Нина по много раз заставляла ее петь "Платочек". Часто Эрика возвращалась от Нины вся побитая. Она рассказывала, что Нина ее избивала за то, что она не могла петь. Иногда Эрика приносила от Нины несколько кусочков хлеба с маргарином. Однажды Эрика пришла от Нины, сильно избитая. Она даже не могла видеть, так как все лицо было разбито, а глаза запухшие. Она легла и больше не могла встать. Но Нина пришла и снова увела ее к себе. Больше я Эрику не видела. Потом забрали ее маму. Однажды к нам в барак пришла целая комиссия: эсэсовский офицер и солдаты. Всех выгнали наружу. Мы должны были построиться по 5 человек в ряд. Каждые пять человек должны были пробежать какое-то расстояние. Тех женщин, которые не могли добежать до конца или по дороге падали, солдаты сразу оттаскивали в сторону. Падали многие, так как сил, чтобы бежать, ни у кого не хватало. Я тоже побежала, но наступила на шнурок от ботинка и упала. Только сразу же вскочила, схватила свой ботинок и побежала дальше. Этим я очень развеселила немцев. Зато осталась жить после этого "кросса". А многие тогда пропали из нашего барака. Еще у меня было такое происшествие, когда я подумала, что теперь это конец, что мне уже ничего не поможет. Нас повели в душ. Правда, это случалось очень редко. Из душа текла холодная вода. Все женщины стали мыться. Я увидел на полу шланг, из которого текла какая-то гемная жидко подняла шланг и решила зачем-то заглянуть внутрь, не знаю, зачем я это сделала. Детское любопытство. Вдруг из шланга с большим напором пошла эта темная жидкость и попала мне прямо в глаза. Я сразу словно ослепла. Стала сильно кричать, так как ничего не видела, и глаза у меня сильно болели. Я подумала, что слепых в лагере не было, и теперь моя дорога - прямо в крематорий. На мой крик прибежали женщины. Они стали меня успокаивать. промыли мне глаза водой, и я понемножку снова стала видеть. Оказалось, что это была дезинфицирующая жидкость. Через некоторое время я снова стала хорошо видеть. Но тогда я очень перепугалась. Жизнь в лагере, если это можно было назвать жизнью, состояла, в основном, из аппелей. Стояли мы по несколько часов - и днем и ночью. Часто в барак заходили немцы: проверяли, кто в каком состоянии. Работать никого никуда не уводили. Я не видела, чтобы кто-то ходил на работу. Но потом я узнала, что какие-то группы людей всё же работали. Лагерь был очень большой. Там были уголовники, политические и многие, кто был негоден фашистской Германии. У всех были лагерные номера. У меня был номер из пяти цифр - 62379. Мужской лагерь был отделен. Иногда я видела через проволоку, что в такой же полосатой одежде ходят мужчины. Сейчас я не могу себе представить, как пережила этот ужас. Наступил октябрь 1944 года. Что-то все-таки происходило в лагере. Иногда отбирали какие-то группы женщин и куда-то отправляли на работу, но куда - было неизвестно. Иногда я слышала, как женщины обсуждали, что происходит на фронте и где сейчас советские войска. Каким-то образом, слухи все-таки доходили до лагеря. Мы знали, что немцы отступают, и фронт все ближе подходит к нам. Но большинство людей в лагере были уверены в одном: нас в живых все равно не оставят. Стало очень холодно. Хотя ночью я не раздевалась, даже в одежде спать было холодно. Наверное, наша арестантская одежда была пошита из ткани, которая совсем не грела. Люди стали больше болеть. К нам в барак чаще стали заглядывать надзиратели. Даже удары палок не могли поднять лежащих на нарах людей. Помню, как однажды я проснулась, и женщина, которая лежала рядом со мной, не шевелилась. Она умерла ночью. Я часто смотрела на трубу крематория, которая все время дымилась. Я смотрела и мне было очень страшно. Я думала: неужели я тоже туда попаду? Но я все-таки надеялась, что этого не может быть. Как можно столько народу сразу уничтожить! Ведь в лагере было очень много народу. Не может быть, чтобы столько людей можно было бы уничтожить. Я думала, что должна же быть какая-то сила, которая нам поможет. Однажды к нам в барак пришли какие-то офицеры. Нам приказали выйти и построиться на площади. Офицеры стали всех разглядывать. Отобрали около 50 человек. Я тоже попала в это число, Потом привели откуда-то еще группу женщин. Нас всех отвели к машинам, которые были покрыты брезентом. Около машин стояли солдаты-эсэсовцы. Куда нас повезут и для чего нас отобрали, никто не знал. Потом кто-то сказал, что нас повезут в другой лагерь и мы будем работать на железной дороге. Так началась новая полоса в моей лагерной жизни, которая была не очень длинная. По дороге, пока мы ехали, были разные разговоры. Многие не верили, что нас везут в лагерь. Опять говорили, что нас везут на расстрел, охранники, которые с нами ехали в машине, глядя на плачущих женщин, сами сказали, что нас, действительно, везут на работу, и мы там будем ремонтировать железную дорогу. В лагере я слышала от взрослых, что война скоро должна закончиться, но доживем ли мы до этого, было неизвестно. Стоял октябрь 1944 года, и до окончания войны оставалось восемь месяцев, а до моего освобождения - три месяца. Но тогда этого никто не знал. А пока нас везли куда -то в неизвестность. КОНЦЛАГЕРЬ В ГОРОДЕ БРОМБЕРГ Город Бромберг. Сейчас это город Быдгощ в Польше. Это я сейчас знаю, а тогда, в далеком 1944 году, я ничего не знала. Не знала, конечно, что меня ожидает и

куда меня везут. Ехали мы долго. Все страшно замерзли. Одежда нас совсем не грела. Ведь то, что на нас было надето: и белье, и верхняя одежда - все было пошито из мешковины. Полосатое платье, куртка без подкладки и платок на голове. Башмаки, как я уже говорила, были деревянные. Еще были чулки, которые я повязывала веревкой, но они у меня все время сползали вниз, и ноги были голые. Больше всего страдали ноги. Они все время мерзли. Именно ноги сейчас мне очень часто напоминают о том времени... В Бромберг нас привезли ночью. Мы даже не могли ходить, настолько замерзли. Мы въехали на территорию лагеря. Это была небольшая площадь, окруженная колючей проволокой. Было несколько бараков, в которых нас поселили. Барак состоял из одного большого помещения с двухъярусными койками. На койке был мешок, подушка и одеяло. Подушка и мешок были набиты соломой. Одеяло было очень тонкое. Барак как будто бы совсем и не отапливался. Охрана куда-то ушла и мы остались в бараке одни. Стали укладываться спать, не раздеваясь. Я в дороге так сильно продрогла, что никак не могла уснуть, хотя очень устала. Болели ноги и голова. И я почти всю ночь не спала. Рядом со мной лежала женщина, ей было, примерно лет 30 -40. Она все время стонала. Когда я ее спросила, что с ней, то она мне ответила по-литовски, что у нее все болит. Она говорила, что жила в Вильнюсе, что там у нее осталась мама и маленькая дочка. Она не знала латышского, немецкого тоже не знала, но мы как-то общались с ней. А как ее звали, я не помню. Мы с ней очень подружились и все время были вместе. Утром нас подняли очень рано. Было совсем темно, я едва стояла на ногах. Нас построили и поделили на несколько групп. Наша группа состояла примерно из 15 человек. Вели нас через город. Мы шли с охраной по мостовой. Шли очень долго, наверное, через весь город. Вышли к железной дороге. Охраняли нас немецкие солдаты, а работу распределял мастер- железнодорожник. Он был поляк, и я даже запомнила его фамилию - Рудковский. Он к нам относился очень хорошо, но видно было, что он и сам боится немцев. Он отобрал пять человек и повел по дороге. Потом показал, что мы должны делать. Наша работа состояла в том, чтобы менять шпалы. Нам дали большие железные ключи. Этими ключами мы должны были откручивать гайки, потом поднимать и отодвигать рельсы, вытаскивать старые шпалы, а потом ставить новые. Потом мы должны были снова прикрутить рельсы. Работа была очень тяжелая. Я еле удерживала в руках ключ. Хорошо прикручивать рельсы мы не могли, и поэтому после нас приходили рабочие-поляки и все доделывали до конца. Кормили нас там же, где мы работали. Мы заходили в помещение, где раздевались польские рабочие. Там было очень тепло, так как все время топилась печка. Откуда-то привозили суп, иногда кашу. Польские рабочие иногда давали нам хлеб, картошку. Мы некоторое время могли находиться в помещении. Чуть отогревались. Но потом на улице мерзли еще больше. С каждым днем становилось все холоднее и холоднее. Было очень трудно весь день работать на улице. Да и сама работа была для нас очень тяжелая. Больше всего мы страдали от холода. У меня мерзли руки. Рукавицы совсем не грели. Чулки у меня все время сползали, и ноги тоже мерзли. Однажды одна из наших женщин кое-что придумала. Для того, чтобы было теплее, она обмотала себя одеялом, а потом надела платье и сверху куртку. Вид, конечно, был ужасный. Женщина стала выглядеть горбатой и толстой. Мы стали делать так же. Так было теплее, но это длилось недолго. Вначале охрана этого не замечала, но днем, когда стало светлее, это стало заметно. У меня одеяло, вообще выползло из под платья. Утром, на построении, нас стали проверять и заставили снять одеяла. Некоторые из наших охранников делали вид, что не замечают, как мы выглядим, и мы в таком страшном виде ходили на работу. Я сильно обморозила ноги. Особенно колени. Они у меня были покрыты язвами. Ночью, когда я спала, то я их поджимала и становилось легче, а утром, когда надо было вставать и выпрямлять ноги, я готова была кричать от боли. За ночь все слипалось, а когда вставала, то все отрывалось вместе с кожей. Но надо было вставать. На работу уходили все. Даже, если кто простужался, и была высокая температура, все равно заставляли работать; в бараке никто не оставался. Был декабрь 1944 года. Утром, когда было еще темно, мы уходили на работу, а возвращались мы вечером, когда снова было темно. Работали без выходных. У польских рабочих были выходные, а у нас нет. С нами работали несколько поляков. Они следили за тем, что и как мы делаем. Почти все время около нас были охранники. В субботу и воскресенье раздевалка не топилась, и нам даже негде было погреться. Иногда солдаты из охраны сами так замерзали, что отправляли кого-нибудь топить печку, и тогда мы тоже могли немного погреться. По городу мы ходили колонной, медленно, едва передвигая ноги. Люди смотрели на нас с жалостью. Иногда пытались нам что-нибудь передать, но боялись охраны. Я смотрела на дома, на окна, в которых горел свет, и думала, как хорошо этим людям: им ничто не угрожает, и они живут в тепле. Почему же мы должны так страдать? За что? Кончался декабрь 1944 года. Все слышнее становился грохот артиллерии. Несколько раз бомбили город. Немецкие солдаты стали какие-то обеспокоенные: собираясь вместе, что-то обсуждали. Они на нас уже почти не обращали внимания. Как-то раз ночью была такая сильная бомбежка, что мы подумали, что все погибнем. В это время у одной из наших женщин родился ребенок, я об этом узнала, когда нас повели на работу. Мы шли через город и я услышала, как плачет ребенок. И тогда я увидела, как

одна женщина что-то прячет под курткой. Ребенок плакал, но охрана этого не слышала. Я спросила у рядом идущей девушки, откуда у нас взялся ребенок. Она мне ответила, что он родился ночью. Что это мальчик. И предупредила, чтобы я громко об этом не говорила. И когда мы проходили мимо большого дома, женщина с ребенком выбежала из колонны, забежала в подъезд и оставила там своего новорожденного. Вернулась в колонну и пошла с нами дальше. Охрана даже не заметила. Всю дорогу женщина плакала. Я понимала, что ребенка она оставить себе не могла. Мы же не знали, что с нами будет дальше. А так, быть может, ребенок и выживет. Если она осталась в живых, то, возможно, смогла его отыскать. Охранники совсем перестали обращать на нас внимание. Перестали кричать и даже не пересчитывали нас утром. Единственное, что они делали, так это проверяли барак, чтобы там никто не оставался. Теперь мы могли чаще заходить в раздевалку, чтобы погреться. Они даже не обращали внимания на то, что мы ходили на работу, завернутые в одеяла. Да и работой нас особенно не нагружали. Настал январь 1945 года. Пока у нас ничего не изменилось. Каждый день нас водили на работу. Выпал снег. Опять похолодало. Польские рабочие говорили, что скоро война закончится, что советские войска совсем близко. Но что будет с нами, никто не знал. Нам было известно о том, что немцы уничтожают лагеря и не оставляют никого. Некоторые женщины даже говорили, что, может быть, стоит сбежать и спрятаться. Но куда мы могли бежать в нашей полосатой одежде? В один из январских дней, когда мы вернулись с работы, к нам в барак зашел немецкий офицер и сказал, что завтра на работу мы не пойдем и нас переводят в другой лагерь. Все начали плакать, спрашивать, куда. Но он ничего больше не говорил, а только предупредил, чтобы никто не вздумал бежать, все равно поймут и расстреляют. Почти всю ночь мы не спали. На следующий день, рано утром, пришли два офицера и солдаты. На улице было совсем темно. Нас построили и проверили по списку. Каждого называли по фамилии. Тогда нас повели по городу. Куда мы идем, нам никто не говорил. Но вот кончился город, и мы пошли дальше по дороге, ведущей в лес. Было очень трудно идти, так как в лесу был глубокий снег. Снова стало темнеть. Все время были слышны взрывы. Над нашими головами летели снаряды. Теперь мы уже были уверены, что нас ведут в лес для расстрела. Через некоторое время мы вышли из леса на дорогу. Прямо перед нами у дороги стоял большой сарай. Нас всех загнали в него и снаружи заперли дверь. В сарае мы стояли так плотно друг к другу и были так сжаты, что я даже не доставала ногами до земли, висела в воздухе. Всем было очень страшно. Слышно было, как немцы разговаривают за дверью. Никого никуда не выпускали, даже в туалет. Люди все делали там, где стояли. Теперь все были уверены, что нас заперли в сарае для того, чтобы сжечь, и теперь нас уже ничто не спасет. Мы кричали, плакали, но никто на это не обращал внимания. Все слышнее были взрывы. Снаряды рвались где-то совсем близко. Так продолжалось довольно долго. Стало совсем темно. Мы стали прислушиваться, но немецких солдат не было слышно. Были только взрывы. Кто-то сказал, что надо попытаться открыть дверь. Тогда мы стали напирать на дверь, и она распахнулась. Вначале мы боялись выходить. Потом посмотрели вокруг и никого из охраны не увидели. Она исчезла. И вот тогда мы все сразу выбежали из сарая. Разбежались, кто куда вздумал. Я и еще две женщины побежали назад в лес. По лесу мы ходили очень долго. Все время рвались снаряды. Кругом никого не было. Мы валились с ног от усталости и голода. Было очень холодно. Хотелось лечь в снег и уснуть. Но вот кончился лес. Прямо перед нами стоял большой дом. Мы подошли к нему и стали искать вход. Нашли дверь, которая вела в погреб, и решили спрятаться в нем. Когда спустились вниз, то вначале ничего не увидели, так как там было темно. Но потом глаза немного привыкли, и мы увидели двух мужчин, которые были одеты в какую-то военную форму. Сначала мы очень испугались, так как подумали, что это немецкие солдаты. Но потом они нам кое-как объяснили, что они англичане и сбежали из плена. В погребе был песок, а в песке для хранения была зарыта морковь. Мы доставали ее из песка, вытирали и ели. Когда мы немного передохнули, то решили посмотреть, что это за дом. Думали, что, может быть, найдем какую-нибудь еду. Дом был очень большой, но совершенно пустой. Никого там не было. И никакой еды мы не нашли. Но зато нашли одежду. Тогда поверх нашей полосатой одежды мы надели гражданскую. И уже никто не мог понять, что мы заключенные. В подвале мы просидели всю ночь. Ночью взрывы немного стихли, но наутро артиллерийская стрельба возобновилась. Несколько раз снаряды попадали в дом. Но это было где-то на верхних этажах. На улице стало совсем светло. Мы несколько раз выходили из подвала, но идти куда-либо побоялись, так как кругом стреляли. Мы подумали, что можем погибнуть от снарядов, которые попадали в дом. Наконец, наступила тишина. Мы стали прислушиваться, и услышали немецкую речь. Вдруг открылась дверь и в подвал с очень ярким светом спустились немецкие солдаты. Они стали нас разглядывать, но не поняли, кто мы такие. Заставили нас выйти из подвала на улицу. Солдаты тоже вышли. Нас спасло то, что не видно было нашей лагерной одежды. Я вышла на улицу без ботинок, так как, пока мы были в подвале, я их сняла, а потом в темноте не могла найти. Я вышла в чулках. Правда, поверх них у меня были намотаны тряпки, но ноги сразу стали мерзнуть. А назад за ботинками я идти уже не могла. Мы все стояли на улице. Кроме солдат и нас, вокруг больше никого не было. Была слышна

сильная стрельба. Солдаты снова стали нас разглядывать и спросили, кто мы такие. Мы сказали, что беженцы. Немцы больше обращали внимание на английских солдат. Они о чем-то стали говорить между собой. Потом сказали нам, что пойдем в город, и там решат, что с нами делать. Солдаты очень спешили и все время нас подгоняли, чтобы мы шли быстрее. Мы почти бежали. Ноги совсем плохо слушались. Дорога была заснежена, и идти было тяжело. Я даже хотела лечь и пусть со мной делают, что хотят, а идти я больше не могла. Но женщины, которые были вместе со мной, поддерживали меня, и я все-таки пошла дальше. Снова стало темнеть. В какой город нас вели, нам не говорили. Английские солдаты стали что-то говорить немецким, но те, наверное, ничего не понимали и подгоняли их так же, как нас, чтобы шли быстрее. Наконец-то нас привели в какой-то город. Провели по улицам. Около одного из домов стояло много немецких солдат. К нам подошли два офицера. Они что-то сказали англичанам. Потом подошли немецкие солдаты, и англичан куда-то увели. Нас троих завели в дом и втолкнули в какую-то комнату. В комнате ничего не было, она была совершенно пустая. Даже сесты не на что было. Солдаты ушли, и мы остались одни. Сели на пол и стали ждать, что с нами будет. Бежать мы не могли, так как кругом были немцы. Да и на окнах были решетки. Несколько раз к нам в комнату заглядывали немецкие солдаты. Мы совершенно не знали, что же они собираются с нами делать. О том, что мы из концлагеря, немцы не знали, так как на нас была гражданская одежда. В комнате мы просидели всю ночь. Даже поспали немного на полу. Утром, когда стало чуть светать, я подошла к окну. Снаружи никого не было видно, только постоянно слышны были взрывы. Тогда мы решили выйти на улицу. А когда вышли, к нам сразу подошли немецкие солдаты. Откуда-то привели несколько гражданских мужчин. Нас собрали вместе и объяснили, что мы будем расчищать дорогу от снега. В сопровождении солдат мы вышли на дорогу. Снега было очень много, но работать мы совсем не могли. Мы столько времени не ели и не спали. Все страшно замерзли. У меня совершенно отмерзли ноги и руки. Я их совсем не чувствовала. Вдруг началась сильная стрельба. Над нами свистели снаряды. Они взрывались где-то очень близко. Немецкие солдаты куда-то убежали. Мы лежали на дороге в снегу. Над деревьями пролетали огненные шары. Мне тогда казалось, что теперь мы уж точно погибнем. Это были снаряды "Катюши". Теперь-то я это знаю. А тогда думала, что в этом крошечном аду никто в живых не останется. Около меня лежала девушка, с которой мы были в подвале. Мы решили поползти за ближайшее дерево и спрятаться за ним. Оно было очень большое и кое-как прикрывало нас. Мимо бежали солдаты. Они стреляли на ходу. Все это было так страшно! Свист пуль смешался с взрывами снарядов, криками солдат. Вдруг мимо нас пробежала большая группа солдат, и я услышала латышскую речь. Я крикнула, что мы из Латвии, так как подумала, что они нас увидят и могут застрелить... Один солдат даже остановился, видимо, подумал, что и мы бежим от русских и показал, в какую сторону бежать. Он даже махнул рукой, чтобы мы бежали за ними. Но мы поползли в обратную сторону, прячась за деревьями. Все время был слышен свист пуль. Но нам повезло. Ни одна пуля никого из нас не задела. Кое-как доползли до первого дома, который стоял у самого края дороги. Вбежали в него и сели на пол. Нам было очень страшно. Снаряды взрывались совсем рядом. Мы думали, что какой-нибудь снаряд обязательно попадет в дом, и тогда это будет конец. Сидели и прислушивались к грохоту на улице. Но вдруг стало тихо. Тогда мы поднялись с пола и с трудом подошли к окну. Увидели танки на дороге. Но они были далеко, а на улице было еще темно, и нам нельзя было разглядеть, что это за танки, чьи они. Мы стояли около окна и дрожали от страха, холода и голода. Ведь мы уже много дней ничего не ели. Танки быстро приближались. И вот, когда они были уже совсем близко к дому, мы увидели, что на них нарисованы пятиконечные звезды. Мы не верили своим глазам. Стали плакать от радости, обниматься и снова сели на пол. Потом мы кое-как встали, подбежали к окну и увидели советских солдат. Мы выбежали на улицу, и тогда один танк остановился и из него выпрыгнули солдаты. Но мы почему-то испугались и снова забежали в дом. Тогда солдаты тоже вошли в дом. Мы с Данутой сидели на полу и плакали. Солдаты подошли к нам, но у нас даже не было сил, чтобы подняться. Солдаты стали поднимать нас, обнимали, что-то говорили нам, гладили по голове, но мы почти ничего не понимали. Мы не знали русского языка. Но одно мы знали точно: теперь нам уже ничто не грозит. Мы тоже стали их обнимать. Показали им нашу полосатую одежду, которая была на нас. И тогда они поняли, откуда мы. Они сказали, что теперь мы свободны и теперь с нами ничего плохого не случится. Они нас успокаивали, говорили много, но мы мало что понимали. Когда мы немного успокоились, то решили поискать в доме какую-нибудь пищу. Мы еле держались на ногах. Нашли варенье. И наелись варенья с хлебом, который дали нам солдаты. Потом все это запили водой. Но результат был ужасный. Мы чуть не умерли. Начались ужасные боли в животе. Мы лежали на полу и корчились от боли. В дом стали заносить раненых. Их укладывали на полу, где была постелена солома. Нас положили рядом с ранеными. Потом пришел врач с медсестрой. Врач дал нам какие-то таблетки и нам через какое-то время стало легче. Но медсестра сказала, чтобы мы не вставали. Раненых солдат было много. Они все время стонали и просили пить. Так мы пролежали рядом с ними целую ночь. Утром, когда я проснулась, то увидела, что солдат, который

лежал возле меня, совсем не двигается и похоже, что не дышит. Я стала кричать, и тогда ко мне подошел доктор. Он посмотрел на солдата, потом взял меня на руки и перенес в другое место. Этот солдат умер, и я всю ночь пролежала рядом с ним. Утром раненых стали увозить в госпиталь. Я была очень слаба. Не могла ходить - ноги совсем меня не держали, они были обморожены. К тому же, сильно болел живот. Меня тоже посадили в машину вместе с солдатами и отвезли в госпиталь. Данута осталась в том доме. Она сказала, что будет служить в армии. Больше я ее не видела. Многие из тех, с кем я находилась в лагере, были расстреляны тогда, когда мы вышли из сарая. Мы спрятались в подвале, а большая часть никуда не успела добежать. И когда немцы на какое-то время вернулись и увидели этих людей в полосатой лагерной одежде, то уничтожили их. Нам с Данутой тогда повезло, что мы нашли тот дом. Со дня освобождения, а было это, кажется, 25 января 1945 года, я находилась в госпитале. Он располагался в городе Бромберг. Сейчас это польский Быдгощ. В госпитале я пришла в себя. Меня там очень жалели. Я поправилась и подлечилась. Но не переставала думать о своем родном городе. Я знала, что Лиепая еще у немцев и ехать туда невозможно. Жила в госпитале. Врачи и сестры старались меня чем-нибудь побаловать. Я помогала ухаживать за ранеными. В госпитале я начала учить русский язык. Ведь до войны я совсем не умела говорить по-русски. Война ушла далеко. О ней напоминали только раненые. Пока я была в госпитале, меня не покидала мысль о том, что, возможно, кто-нибудь из моей семьи остался в живых и когда я приеду в Лиепаю, мы встретимся. 1 апреля я стала собираться домой. Меня пытались отговорить, но я никого не слушала. Говорили, что в нашем городе еще немцы, что там война еще не закончилась, но я хотела быть поближе к Латвии. Долгий путь домой Меня проводили на поезд, и я уехала. На поезде я доехала до Варшавы. Там была основательная проверка пассажиров. Меня и еще многих пассажиров сняли с поезда и отправили в фильтрационный пункт. Представители КГБ проверяли каждого кто по какой-то причине оказался у немцев. Меня несколько раз вызывали на допрос к следователю. Это бывало и днем и ночью. Всё спрашивали, как я выжила, почему меня не расстреляли, ведь всех евреев уничтожали. Еще очень интересовались, где мои родители. Никак не могли поверить в то, что я, еврейская девочка, осталась жива после всех концлагерей. В Варшаве, в фильтрационном пункте я пробыла почти две недели. Но вот настал день, когда меня вызвали в кабинет к какому-то начальнику. Он еще раз попросил, чтобы я рассказала все про лагерь, про родителей, и почему я оказалась в Варшаве. Я все рассказала еще раз, как могла. По- русски я еще не очень хорошо говорила. После этого допроса мне выдали справку, что я действительно была в концлагере и теперь еду к себе домой, в Латвию. Вместе со мной отпустили еще одну женщину. Она была из Литвы. Мы пошли в город искать вокзал. Вся Варшава была в развалинах. Ни одного целого дома! Мы нашли вокзал, но самого здания тоже не было. Узнали, что каждый день идут поезда в сторону России. Каким поездом нам надо было ехать, мы тоже не знали. Спросили у железнодорожника, как нам попасть в Литву или Латвию, и он нам сказал, что ехать надо поездом, идущим в Минск. Мы еще два дня ждали этот поезд. Есть нам было нечего. Было немного хлеба, но он быстро закончился. Наконец, мы дождались поезда, который шел в Минск. Ехали без билетов. Нам очень помогали справки, которые мы получили в фильтрационном пункте. Ехали очень долго. Вместе с нами было много военных. Они нас всю дорогу подкармливали. Приехали в Минск. Тут я потеряла женщину, которая была со мной всю дорогу от Варшавы. И осталась одна. В Минске я стала интересоваться, как мне попасть в Латвию. Мне показали поезд, который шел в Литву. На нем я доехала до Бреста. Там, при проверке документов, меня с поезда сняли. Сказали, что я снова должна пройти фильтрационный пункт. И вот я снова попала в эту фильтрацию, где опять начались допросы. Опять спрашивали, как я попала в концлагерь, почему выжила, почему меня не расстреляли, ведь всех евреев расстреливали. Через неделю меня отпустили. Теперь у меня было две справки о том, что я прошла полную проверку и имею право возвращаться домой. Я пошла на вокзал и стала искать поезд, который шел бы в сторону Риги. Теперь знала, что уже поеду в Латвию. Снова ехала без билета. Я очень надеялась, что на этот раз я обязательно доберусь до Лиепая. Но я доехала только до города Зарасай. Это маленький городок на границе Литвы и Латвии. Здесь я заболела. У меня была высокая температура, и очень болели голова и горло. Я была почти без сознания. Меня сняли с поезда и сказали, чтобы я шла в больницу. Но я никуда не могла идти. Села на скамейку около вокзала. Сидела очень долго. Уже совсем стемнело, когда ко мне подошли мужчина и женщина. Они стали спрашивать, что со мной, но я почти ничего не могла говорить. Мне было очень плохо. Только помню, что они взяли меня за руку и повели с собой, я у них долго проболела. Долго лежала и не вставала. Они лечили меня разными травами. Помню, что я все время пила какие-то чаи. Они ко мне относились очень хорошо. Когда я им рассказала про себя все, то они предложили, чтобы я осталась у них, ведь в Лиепая у меня никого нет. У них не было детей, и им очень хотелось, чтобы я никуда не уезжала. Они были русские. Еще помню, что они очень много молились. Я была у них, как раз, на пасху. Им надо было соблюдать пост, но для меня они готовили отдельно. Варили курицу, покупали мясо. Это теперь я понимаю, что они нарушали правила своей веры. Они даже учили

меня, как надо молиться. Я их очень благодарила за все, но остаться у них, конечно же, не могла. Я должна была убедиться, что в Лиепе, в городе, в котором я родилась и жила вместе с родителями, братом, сестрой и многими родственниками, больше никого из близких не осталось. И для того, чтобы убедиться в этом, я должна была попасть в свой город. Мне казалось, что я обязательно кого-нибудь там найду. И я поехала в Латвию. Сначала это был Даугавпилс. Но тогда я не думала, что в Лиепе еще немцы. Я этого не знала, и почему-то мне об этом никто не говорил. А был уже апрель. До конца войны оставалось совсем немного. Я сошла с поезда, а куда идти и что я буду делать, не знала. Пошла в парк и села на скамейку. Решила немного поесть. С собой мне дали очень много еды мои благодетели из Зарасая. Сейчас я с благодарностью вспоминаю этих людей. Так я очень долго просидела в парке. Не знала, куда мне дальше идти, что делать. Рядом села женщина. Она, наверное, долго наблюдала за мной. Она спросила, что я тут делаю, почему так долго здесь сижу. Она догадалась, что мне некуда идти. Я тогда расплакалась и все рассказала про себя. Я до сих пор помню ее. А как ее звали, не помню. Но помню фамилию. Фамилия была Марон. Она мне сказала, что одна живет в Даугавпилсе. Сказала, что я могу пожить у нее, пока не освободят Лиепу. Она мне рассказала, что вернулась из эвакуации, что у нее в Даугавпилсе погибли во время войны все родственники. Мы с ней очень подружились. Ей в то время было примерно 35 - 40 лет. Она даже мне говорила, чтобы я у нее осталась, что потом мы вместе поедем в Лиепу. Но я даже думать не могла о том, чтобы жить в другом месте, кроме Лиепы. Меня очень тянуло в свой город. Наступило 9 мая 1945 года - день, когда закончилась война. Я стала собираться в Лиепу. Марон очень просила, чтобы я осталась, но я не хотела: я должна была убедиться, что я осталась одна. Через несколько дней я собралась уезжать. Вечером с работы пришла Марон. Она принесла свежую газету. И там я прочитала, что в Ригу возвратились дети, которые были вывезены в начале войны из Лиепы. В газете были напечатаны фамилии всех этих детей. И вдруг, о, чудо! В этом длинном списке я увидела имя и фамилию своего брата, который в начале войны был в пионерском лагере "Кроте". Эти дети всю войну находились в детском доме в Татарии, около Казани. В газете также было напечатано, что эти дети находятся в Риге и учатся в железнодорожном училище. Теперь я уже ни одного дня нигде не хотела задерживаться. На следующий день попрощалась с Марон. Она плакала, провожая меня, и взяла с меня слово, что я обязательно приеду к ней. Я уехала в Ригу. В Риге нашла железнодорожное училище. Оно тогда находилось около вокзала, на улице Марияс. И вот я встретила с братом. Мой брат Толя за четыре года очень изменился. Мы долго смотрели друг на друга. Потом расплакались и сели прямо на лестнице. Мы обнялись и долго сидели рядышком. Мы даже не могли говорить. Не было сил, чтобы рассказать, какой ужас я пережила. Но брат и без слов понял, что у нас больше нет ни мамы, ни папы. Он думал, что меня тоже нет в живых. Мы долго не могли успокоиться. Ведь лет нам было не очень много, и вот в таком возрасте мы остались одни. Мы с братом договорились, что я поеду в Лиепу и, может быть, найду там кого-нибудь из родственников, а он останется в Риге, чтобы закончить училище. Мы попрощались, и я уехала в Лиепу. Наконец я приехала в свой родной город. Стояла на вокзале и не знала, куда идти. Потом решила идти туда, где мы жили до войны. Пришла к тому дому, но в нашей квартире находились чужие люди. Я их не знала. Тогда я решила, что надо идти к дворнику. Я ту семью хорошо знала и подумала, что они меня вспомнят. Стала стучать в дверь, но мне сначала никто не открывал. Тогда заглянула в окно и увидела, что дома кто-то есть. Я снова стала стучать в дверь. Затем постучала в окно. В конце концов мне дверь открыл сам дворник. Когда я зашла в квартиру, то поняла, что эти люди просто испугались. Они смотрели на меня, как на привидение. Я оглянулась и увидела на стене нашу картину. Жена дворника стала меня обнимать, спрашивала, как я выжила, откуда приехала. Я сказала, что была в концлагере, что теперь снова вернулась в Лиепу. Я заметила, что они почему-то меня боятся. И тут я еще увидела, что на полке стоят наши книги. Я их очень хорошо помнила. Это были книги Пушкина, Лермонтова, Гоголя. Книги были на русском языке. Хотя я до войны и не знала русского языка, но я очень любила смотреть картинки. Когда нас всех увели в гетто, эти люди побывали в наших квартирах. И взяли кое-что. Ведь с собой мы мало, что могли унести. И тут я поняла, почему они испугались. Когда я уходила от них, то сказала, что, когда у меня будет, где жить, то я обязательно вернусь за нашими книгами. Я ушла, но куда идти, не знала. Что со мной будет дальше, я тоже не знала. Ведь я была одна в своем родном городе! Только в одном я была уверена: я обязательно буду учиться. Не зря же в лагере мне часто снился один и тот же сон: будто я сижу в классе и около меня стоит учитель с большим глобусом в руках. Как сложится моя жизнь дальше, никто не мог мне сказать. Мне ведь еще не было и пятнадцати лет. Впереди была вся жизнь. Какая она будет, было неизвестно. Но одно я знала наверняка: концлагеря, гетто, расстрелов и крематория уже не будет. 2005 – 2008 гг. ПОСЛЕСЛОВИЕ: Я закончила писать всё, что вспомнила: весь этот ужас, что прошла за четыре года. Я старалась вспомнить. Это было очень тяжело. Я писала эту книгу в течение трех лет. Писала поздно вечером, ночью, когда все спали. Сначала ручкой и тетради, потом печатала на пишущей машинке. У меня часто поднималось давление. Тогда я всё

откладывала в сторону. Иногда делала перерывы месяцами. Не могла возвращаться к книге. Теперь это всё написано. Если бы я могла сказать лично о своей благодарности всем тем хорошим людям, которые мне помогли после освобождения из концлагеря! Например, из литовского поселка Зарасай, где меня приютила русская семья. А я даже не знаю их фамилию. В Даугавпилсе, где я жила у женщины по фамилии Марон. Я также благодарна девочке Инге и ее маме из Австрии. Когда я была в Кайзервалде, зимой ходила в пальто этой девочки. Я бы лично поблагодарила всех, кто в концлагере жалел и опекал меня, четырнадцатилетнюю девочку. Но этих людей уже нет. Может быть, жив тот ребенок, который родился в лагере в польском городе Быдгощ. Если бы знала, где он, рассказала бы ему о его матери. А может быть, она смогла найти его после войны. Я очень благодарна людям, которые помогли мне в работе над книгой. Это Александр Бергман и Роман Очаковский ; они первые прочитали всё, что мною было написано, исправили мои ошибки и подсказали, как лучше строить повествование. Большая моя благодарность Алине Стрункевич - будущей журналистке, которая редактировала и первая готовила к печати все мною написанное. Лиепая, 2013 ■ Особая благодарность семьям Селвина и Раймонда Хаасов, Лиепайской еврейской религиозной общине, Кириллу Боброву и Илане Ивановой за помощь в издании моих воспоминаний. Ф. Павлова (Гентон)